

DOI 10.15826/qr.2017.2.235

УДК 929Екатерина(470)*2+929.731Романовы+821.161.1-94

ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ЕКАТЕРИНЫ II АВТОЦЕНзуРА*

Ангелина Вачева
Софийский университет,
София, Болгария

HER MAJESTY CATHERINE II'S SELF-CENSORSHIP

Angelina Vacheva
Sofia University,
Sofia, Bulgaria

This paper discusses the manifestations of self-censorship in the autobiography of the Russian Empress Catherine the Great. The article focuses on the changes made in the last edition of the text, known as *Sobstvennoruchnye zapiski*, compared to an earlier version dedicated to Baron Alexander Ivanovich Cherkasov. In the text under consideration, the empress avoids or moderates all uncomfortable issues, such as serfdom, negative attitudes to Moscow and the life of the Moscow nobility, and criticism of the court. Self-censorship is most consistent in the character of Empress Elizabeth. Catherine the Great abates the episodes of her predecessor's dishonorable behaviour and softens her features. The Russian empress turns back to the 'scenarios of power' of the beginning of her rule, where the idea of compliance with Elizabeth's policy played a central role. Thus, Catherine the Great tries to legitimate her own government by emphasising its strong connection to the dynasty and spiritual heritage of Peter the Great.

Keywords: Catherine the Great; autobiography; self-censorship; enlightened monarch; Romanov dynasty.

Рассматривается проблема автоцензуры в автобиографии императрицы Екатерины II. В фокусе внимания автора – изменения, внесенные в текст

* *Citation:* Vacheva, A. (2017). Her Majesty Catherine II's Self-Censorship. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 436–452. DOI 10.15826/qr.2017.2.235.

Цитирование: Vacheva A. Her Majesty Catherine II's Self-Censorship // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 436–452. DOI 10.15826/qr.2017.2.235 / Вачева А. Ее императорского величества Екатерины II автоцензура // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 436–452. DOI 10.15826/qr.2017.2.235.

позднейшей редакции, известной под названием «Собственноручные записки», по сравнению с более ранней редакцией, посвященной барону А. И. Черкасову. По наблюдениям автора, императрица устраняет или сильно смягчает все болезненные темы – крепостного права, негативного отношения к Москве и жизни московских дворян, критики придворной жизни. Наиболее последовательно автоцензура влияет на концепцию амбивалентного образа императрицы Елизаветы Петровны. Екатерина II сильно редуцирует эпизоды недостойных проявлений предшественницы и смягчает ее характеристики. Русская императрица возвращается к «сценариям власти» начала своего правления, центральную роль в которых занимала идея преемственности с Елизаветой Петровной. Таким образом Екатерина II ищет способа легитимировать свое правление, подчеркивая его связь с династией и духовным наследием Петра Великого.

Ключевые слова: Екатерина II; автобиография; автоцензура; просвещенный монарх; династия Романовых.

Предмет этой статьи – автоцензура в автобиографии императрицы Екатерины II. Проблема едва намечена в теоретических работах по поэтике автобиографического письма, хотя ряд исследователей мемуарного жанра говорят о подборе материала, который совершает мемуарист, руководимый не только своей забывчивостью, пробелами в памяти, но и соображениями иного характера. Сознательное опущение определенных подробностей автобиографом может быть продиктовано многими причинами: застенчивостью, желанием не уязвить близких, намерением поддержать свой положительный образ в глазах будущих читателей, придать определенный ракурс упоминаемым событиям и образам людей. На практике автоцензура имеет место во всех мемуарных текстах. Однако особенно ощутимо она проявляет себя в текстах известных деятелей истории, политиков, представителей искусства, предназначенных для публикации – прижизненной или посмертной. Именно таким текстом, рассчитанным на публикацию и являющимся главным доказательством претензий императрицы на бессмертие, и была автобиография Екатерины II¹ [Вачева, 2015]. Автоцензура, однако, касается не только каких-либо обстоятельств личного свойства мемуариста и нежелания раскрывать «всю правду» о себе. От нее зависит интерпретация событий (в том числе и умолчание о них) и концепция образов других персонажей.

Казалось бы, вопрос о наличии автоцензуры в автобиографических записках императрицы Екатерины II парадоксален, учитывая распространенное представление о всевластии русского государя и о его уникальной харизме в имперский период. Однако взаимная зависимость государя и подданных ни в коем случае не была простой

¹ Аргументацию особенностей жанра именно как автобиографии см.: [Вачева, 2015]. В настоящей статье термины «автобиография», «мемуары», «записки», «воспоминания» используются как синонимы исключительно в стилистических целях.

и однозначной. Осознание этого существенно влияет на саморепрезентацию Екатерины II в таком интимном жанре, каким, казалось бы, являлась автобиография.

В какой-то мере, хотя и под другим ракурсом рассматриваемая проблема уже комментировалась в работах, посвященных мемуарам императрицы. Общим местом стал тот факт, что в разных редакциях текста автор старательно убирает моменты привязанности и сочувствия к своему жениху, а впоследствии супругу. Отмечаются также некоторые случаи, когда мемуаристка тщательно редактирует повествование и выставляет себя в более благоприятном свете. Однако нельзя сказать, что вопрос об автоцензуре в екатерининской автобиографии был когда-нибудь последовательно изучен. Одна из причин кроется в том, что большинство исследователей и издателей мемуарного текста преимущественно работают с позднейшей редакцией записок и редко обращаются к их более ранним вариантам². Следует иметь в виду, что не все изменения (сокращения эпизодов, добавления, уточнения или же вставки более обширных фрагментов) являются проявлениями автоцензуры. Они могут быть результатом изменения повествовательной стратегии. Например, характерный для мемуарного жанра рассказ о детстве и семье (в том числе о престижных родственных связях), который присутствует в ранней редакции, посвященной графине Брюс (1771), опущен в поздней редакции из-за изменения намерений автора. В последней редакции мемуаристка кардинально меняет концепцию автобиографического рассказа и, по всей видимости, придает своей автобиографии, хотя бы во вступительной части, форму философского трактата о государе, поместив в начале известный силлогизм на тему счастья человека (точнее, судьбы – *fortune*, если обратиться к оригиналу) как следствия его сознательных поступков и выбора. Вследствие изменения концепции Екатерина II старается переставить акценты с воспоминания о том или ином персонаже, сыгравшем значительную роль в ее воспитании и развитии, на собственные усилия, личностные качества и заслуги. Некоторые сравнительно развернутые эпизоды ранних редакций весьма лаконично изложены в поздней. Красноречивым примером в этом отношении является эпизод с ее наставником графом Гюлленборгом, рекомендовавшим ей «полезное» чтение и позаботившемся о развитии ее ума. В «Собственноручных записках» эпизод с ним совсем небольшой, по сравнению с аналогичным в редакции, посвященной графине Брюс, и роль графа упоминается едва ли не вскользь, а акцент сделан на интересе к себе и самоанализе [Вачева, 2007].

² Автобиография императрицы Екатерины II известна в трех основных редакциях: первая, посвященная графине П. А. Брюс (1771) – «брюсовская» редакция (Б); вторая, посвященная барону А. И. Черкасову (начало 90-х гг. XVIII в.), – «черкасовская» редакция (Ч); третья, поздняя, написанная в середине 90-х гг. XVIII в. и опубликованная в 1858 А. И. Герценом под названием «Собственноручные записки», – СРЗ. В дальнейшем цитаты из текста приводятся по репринтному изданию русского перевода: [Записки императрицы Екатерины Второй] (РТ – русский текст).

Особенно интересны с точки зрения проблемы автоцензуры изменения, внесенные в мемуарный текст в двух последних редакциях – начала и середины 90-х гг. XVIII столетия. Вариант, посвященный барону Черкасову, – «черкасовская» редакция – наиболее «мемуарная» часть автобиографических записок Екатерины. В этой части изобилуют эпизоды, содержащие острые характеристики не только Петра Федоровича, Елизаветы Петровны, но и придворных и двора в целом. В этой редакции получили выражение также категорические личные позиции императрицы по некоторым животрепещущим проблемам русской национальной жизни – относительно крепостного права, оппозиции Москвы и Петербурга и ретроградности московских дворян и пр. В «Собственноручных записках» эти эпизоды или вовсе отсутствуют, или же неудобные характеристики сильно смягчены, а соответствующие фрагменты текста гораздо лаконичнее. На концепцию позднейшей редакции, возможно, оказывал воздействие комплекс причин, главными из которых стали воспоминания о страшных годах пугачевщины (особенно на фоне французских событий), а также появление на Западе всевозможных «историй» о последнем русском перевороте, порочащих императрицу, ее семейные обстоятельства и отношения с Павлом.

Екатерина-мемуаристка использовала своеобразные интертекстуальные маски для создания текста. Наиболее ярким примером является пространный эпизод о любовной истории с Салтыковым, рассказанный по модели популярного в то время французского романа (см. подробнее: [Вачева, 2006])³. Автоцензура заставляла императрицу тщательно убирать щекотливые подробности своей личной жизни, которые могли бы повредить ее публичному образу или же усугубить его негативные аспекты. К таким эпизодам, например, можно отнести рассказ о о любовном «квартете» Петр Федорович – Воронцова, Екатерина Алексеевна – Понятовский из черного фрагмента, не вошедшего в основные редакции ее автобиографии (РТ, с. 466).

Можно задаться вопросом, как определить случаи автоцензуры в тексте екатерининской автобиографии и выделить их на фоне «обыкновенных» умолчаний, сокращений и прочих трансформаций в связи с изменением цели повествования. Критерии, по всей видимости, кроются в значимости содержания отдельного эпизода для публичного имиджа мемуаристки и в обеспокоенности возможными его последствиями для восприятия образа будущими читателями. Сильнее всего в тексте выражена забота сиятельного автора о вписанности эпизода в официальные «сценарии власти» русской монархии, принятые не только во время ее царствования, но также при предшественниках и последователях. Желание Екатерины быть со-

³ М. Крючкова, детально исследовавшая документальную основу екатерининских мемуаров, подвергает сомнению достоверность эпизода с Салтыковым и выдвигает на роль «первого любовника» будущей императрицы графа З. Г. Чернышева. Исследовательница говорит об инерции в прочтении эпизода, а также предполагает, что Салтыков был удобной «ширмой», за которой в мемуарах императрица скрывала настоящего героя своего романа [Крючкова, с. 160].

звучной воспринятым стратегиям и не противоречить общепринятому порядку следует искать в сложной ситуации, в которой создавался последний вариант записок.

Решающее значение для характера автоцензуры в произведении Екатерины II имел историко-культурный контекст эпохи. В концепции «Собственноручных записок» слышны отзвуки напряженных дискуссий эпохи Просвещения, в первую очередь теория «просвещенного монарха», разрабатывавшаяся европейскими философами. Однако на особенности повествования и характер образов главных действующих лиц повлияли не только теоретические дискуссии, но также более широкая читательская рецепция. Важнейшая проблема, которую ставит императрица в автобиографии, это легитимность правления и легитимность династии. Для нее важнее всего доказать свою законную претензию на наследие Петра Великого. Екатерина II отлично сознавала, что она может претендовать исключительно на духовную связь с первым российским императором и династией Романовых. Квинтэссенция ее автобиографии – идея того, что место на троне ею заслужено безоговорочно, она занимает его, будучи образцом «просвещенного правителя». Учитывая конкретные задачи статьи, позволю себе остановиться на проявлении автоцензуры в создании образа императрицы Елизаветы Петровны, что оказалось исключительно важно для вышеуказанной цели.

В различных редакциях автобиографии Екатерина II несколько меняет аксиологическую окраску персонажей. Общеизвестно двойственное отношение мемуаристки к своей предшественнице Елизавете Петровне. На страницах всех редакций автобиографии проводится последовательное сопоставление образа великой княгини Екатерины не только с ее супругом, но также с Елизаветой Петровной. В «Собственноручных записках» она делает антитезу своего образа и образа великого князя категорически непримиримой, тогда как образ Елизаветы Петровны сильно смягчается по сравнению с «черкасовской» редакцией.

Как было доказано исследователями, Екатерина II продолжила и в реальной политике, и в символическом плане многие тенденции, начавшиеся в правление ее предшественницы [Уортман; Проскура; Ваehr]. В автобиографии же образ Елизаветы противоречив, как были противоречивы чувства Екатерины к свекрови, пробившиеся сквозь ровный тон повествования. Интерпретация образа предшественницы в автобиографии Екатерины II во многом передает характерную для писательницы противоречивость и метание из крайности в крайность. Однако, как и во многих других случаях, эпизоды с участием «любимой тетки» перетерпевают метаморфозы сообразно меняющемуся замыслу повествовательницы.

Амбивалентное отношение Екатерины II к предшественнице было продиктовано двумя главными причинами. Первая состояла в продолжении многих политических тенденций и заимствовании ряда символических кодов (метафоры Астреи, Северной Минервы), играв-

ших важнейшую роль в имидже русской монархии не только в России, но и в общеевропейском контексте. Это была важная часть легитимизации екатерининского правления. Елизавета Петровна была важна для Екатерины II как дочь Петра Великого, и публичный образ предшественницы ассоциировался с продолжением дела великого преобразователя России⁴.

Помимо этого, образ Елизаветы в екатерининских мемуарах был удобным поводом для раскрытия идеи о «философе на троне». При этом соотнесенность негативных (впрочем, и позитивных) черт поведения Елизаветы Петровны с поведением мемуаристки выгодно оттеняла ее собственный образ, представленный в исключительно идеальном, по-классицистически положительном плане. Не только тема преемственности, но и сопоставление императриц, выявляющее (явно или нет) превосходство последней, красной нитью проходит сквозь официальные документы и «сценарии власти» первых лет екатерининского правления и также является одной из ведущих повествовательных линий в автобиографии Екатерины II.

Бытовые эпизоды с описаниями реакций Елизаветы Петровны по разным поводам, основательным или нет, встречаются чаще в ранних редакциях. В поздней они редки, а Екатерина II выбирает такие моменты, которые могут прочитываться прежде всего в «государственном» плане как достоинства или недостатки правителя. Мемуаристка подчеркивает положительные качества предшественницы – патриотизм и реалистичность государственного деятеля. В редакции 1771 г. это показано на примере истории с Шетарди (РТ-Б, с. 47; РТ-СРЗ, с. 214–215). В пользу реалистичности политического поведения императрицы Елизаветы и ее озабоченности будущим империи можно привести описание тревоги о том, какого наследника она оставит своему государству. Высоко ценит Екатерина пронизательность Елизаветы Петровны, ее стремление быть справедливой в тяжелые моменты, когда речь идет о будущем страны. Показателен один из финальных эпизодов екатерининской автобиографии – момент решительного объяснения Елизаветы Петровны, Петра Федоровича и великой княгини, когда решается дальнейшая судьба последней. Справедливость, государственная мудрость Елизаветы, умение предвидеть риски и угадывать возможное развитие отношений между ее приближенными, ее чувствительность и верная оценка людей и обстоятельств подчеркнуты в мемуарном тексте. В автобиографии благоприятное отношение дочери Петра к великой княгине, бывшее знаком «задушевного доброжелательства» (РТ-СРЗ, с. 454), особенно на фоне их сложных и неоднозначных взаимоотношений на протяжении 17 лет, свидетельствовало о готовности героини мемуаров к ее миссии и упрочивало легитимность правления Екатерины II.

⁴ Эта тема явно присутствует в русской литературе елизаветинского времени, особенно в жанре похвальной оды, получившей свой классически законченный вариант под пером М. В. Ломоносова.

Гораздо больше эпизодов посвящено недостаткам Елизаветы Петровны, что имеет как бытовую, так и знаковую природу в контексте идеи «просвещенного монарха». Описание даже заурядных женских слабостей привносит свою долю негатива в создание образа идеального правителя. Многие из прихотей и недостатков Елизаветы Петровны благодаря запискам стали нарицательными (любовь к нарядам, ревность к другим дамам). Колоритные эпизоды такого рода изобилуют прежде всего в «черкасовской» редакции. Многие из этих проявлений натуры не только недостойны для монархини великой державы, но и не красят обыкновенного человека (грубость, подозрительность, суеверие, мелочность в бытовых делах, женская зависть и пр.), что входит в виде общих мест в елизаветинский дискурс. «В удовлетворении своих прихотей Елизавета, казалось, не знала границ, самодурствуя, как богатая барыня», – констатирует на основании екатерининских записок современный историк Е. В. Анисимов [Анисимов, с. 158]. В центре внимания мемуаров – преимущественно настроения царицы, неожиданные и противоречивые. Красноречивой иллюстрацией является эпизод на охоте, когда на глазах великого князя и великой княгини императрица гневно распекает провинившегося, по ее мнению, егеря (РТ-СРЗ, с. 285–286). Сильный гнев из-за пустяка, недостойное для высокого сана поведение, придирки, наконец, комический финал сцены – все это должно подчеркнуть для читателя непредсказуемость поступков Елизаветы, в то время как героиня мемуаров, вынося даже из этой мелочной ситуации очередной жизненный урок, обретает способность учитывать собственную оплошность.

Все эти эпизоды должны были показать дурные последствия неограниченной власти, находящейся в руках непросвещенного монарха. Из всесильного и действенного инструмента власть превращается в самоволие, «самовластие». В понятиях конца XVIII – XIX в. самовластие было синонимом тирании и деспотизма. Эпизоды с самодурствующей Елизаветой, поддающейся своим импульсивным настроениям по мелочным поводам, не только не умеющей, но и даже не стремящейся подавить свои страсти, несмотря на весь их «бытовизм», имеют прямое отношение к проблеме отношений монарха и закона. «Непременные фундаментальные государственные законы, и власть, и фрондирующая элита, следуя за догматами века Просвещения, наделяли особой силой, способной установить разумный порядок и привести к всеобщему благоденствию. Но если престол видел в них залог устойчивости самодержавного правления, то оппозиционно настроенная аристократия – определенную страховку от самовластия... В общественно-политической лексике XVIII века понятия *самовластие* и *самодержавие* имели разное, иногда даже противоположное значение. *Самовластие* отождествлялось с *беззаконием*, *деспотизмом* и очень часто с *фаворитизмом*, ненавистным для правящей элиты и дворянской родовой аристократии», – отмечает

Е. Н. Марасинова [Марасинова, с. 371–372] (курсив автора. – А. В.). Бытовые проявления несоблюдения права подданных на выражение своей индивидуальности, неспособность отсеять пустячные провинности и даже nepозволительное рукоприкладство – доказательство компрометированности предшественницы как «русской Астреи», гаранта законности и справедливости. Вот что пишет Екатерина II по поводу ссылки Лестока, одного из приближенных Елизаветы, попавшего в опалу несмотря на то, что его вина не была доказана:

...На ухо друг другу сообщали даже, что, несмотря на все розыски, ничего против него найдено не было; тем не менее, его сослали, и все имущество его было конфисковано. Императрица не имела достаточно мужества, чтобы оправдать невинного; она боялась бы мести со стороны подобного лица, и вот почему с ее воцарения, виновный или невинный, никто не вышел из крепости, не будучи по крайней мере осланным (РТ-Ч, с. 141).

В поздней редакции острые обвинения в адрес Елизаветы Петровны уже отсутствуют, а о деле Лестока рассказано лаконично и бесстрастно, хотя некоторые подробности обвинения остаются:

...Граф Лесток, будучи заключен в крепость, в течение первых одиннадцати дней своего заключения хотел уморить себя голодом, но его заставили принять пищу. Его обвиняли в том, что он взял десять тысяч рублей от прусского короля, чтобы поддерживать его интересы, и в том, что он отравил некоего Этингера, который мог свидетельствовать против него. Его пытали, после чего сослали в Сибирь (РТ-СРЗ, с. 275).

В «Собственноручных записках» такие колоритные эпизоды, запечатлевшие незаурядную натуру Елизаветы Петровны и отдающие сплетней, уже отсутствуют, может быть, к великому неудовольствию читателей. Однако осмеяние самодурства дочери Петра, перенявшей у отца и своих предшественниц «варварскую» идею безграничного своеволия правителя, не совсем укладывалось в задачи мемуаристики. Искушение свести счеты за пережитые горести и обиды, осмеяв выходки предшественницы, уступило философскому осмыслению ее поведения – человеческого и царствующей особы. Слишком большое количество подобных эпизодов о «непросвещенном» поведении предшественницы ставило под вопрос преемственность, на которую Северная Минерва ставила акцент в своем правлении и о которой не преминула напоминать даже в поздний период своего царствования. Это было особенно важно в начале 90-х годов XVIII в., когда на фоне событий во Франции легитимность власти не должна была подвергаться сомнениям.

Характерным лейтмотивом во всех вариантах автобиографии, особенно сильно проявившимся в поздней редакции, стала неупорядоченность дня Елизаветы Петровны. Сравним самую раннюю «брюсовскую» и другие редакции:

Мы очень мало видели императрицу, хотя каждый вечер около шести часов мы отправлялись так же, как в Москве, в галерею ее покоев; но, кроме воскресений и праздников, она не выходила из своих внутренних апартаментов и большею частью спала в эти часы, или считалось, что спит; ночь она проводила без сна с теми, кто был допущен в ее интимный круг, она ужинала иногда в два часа пополуночи, ложилась после восхода солнца, обедала около пяти или шести вечера и отдыхала после обеда час или два, между тем как нас с великим князем заставляли вести самый правильный образ жизни: мы обедали ровно в полдень и ужинали в восемь часов, и все было кончено в десять (РТ-Б, с. 66).

...Императрица... меняла постоянно внутреннее расположение всего дворца (кстати сказать, она не выходила никогда из своих покоев на прогулку или в спектакль без того, чтобы в них не произвести какой-нибудь перемены, хотя бы только перенести ее кровать с одного места на другое или из одной комнаты в другую, ибо она редко спала два дня на том же месте; или же снимали перегородку либо ставили новую; двери точно так же постоянно меняли места... (РТ-Ч, с. 144–145).

...Кроме того, так как у императрицы не было никакого определенно-го часа ни для еды, ни для отдыха, то все мы были измучены, как господа, так и слуги (РТ-СРЗ, с. 250).

Несмотря на заметную редукцию, описание подобных привычек Елизаветы Петровны фигурирует во всех редакциях текста. Эта важная концептуальная деталь необходима для противопоставления рационального стиля жизни Екатерины «азиатскому», «варварскому» стилю ее предшественницы. Эти подробности были не только следствием личной неприязни, а важнейшим компонентом образа государя и даже страны [Элиас; Johnson].

Неупорядоченность жизни дочери Петра, постоянно упоминающаяся в автобиографии, была связана также с другой проблемой поведения «просвещенного монарха», которую Екатерина II ставит на примере предшественницы. Мемуаристка рассказывает о таком недостатке в стиле правления Елизаветы, как ее непоследовательность в ежедневных обязанностях по управлению государством. Надо отметить, что воспоминания Екатерины не только находят параллели, но порой почти буквально совпадают с отчаянными донесениями иностранных послов при елизаветинском дворе своим правительствам [Финкенштейн; Фавье].

Часто упоминаются отказ Елизаветы заниматься государственными делами в последние годы ее жизни, медлительность и хаотичность в управлении страной. Это сочетается с редким участием императрицы в заседаниях «конференции» с канцлером и министрами и с практической невозможностью подготовить к власти своего преемника,

несмотря на ее принципиальное беспокойство по этому вопросу. Особенно шокирующими являются случаи не прочитанных до конца документов, касавшихся важнейших событий в жизни государства. Отказ Елизаветы вникнуть в суть державных бумаг и разобраться в них, даже когда речь идет о действительных или мнимых заговорах против ее власти, поразителен. В «черкасовской» редакции Екатерина II рассказывает об исходе дела Батурина:

Несколько лет спустя после моего восшествия на престол это дело попало мне в руки; я его нашла среди бумаг императрицы Елисаветы; оно было ей передано для того, чтобы Ее Величество постановила о нем свое решение. Оно было очень объемисто, и вследствие этого до своей смерти императрица не имела о нем правильного представления; она, наверно, его не прочла. Дело это было, может быть, одним из самых серьезных в ее царствование, хотя оно было затеяно безрассудно и неосторожно, и, говоря без обиняков, это был заговор по всей форме; Батулин убедил сотню солдат своего полка присягнуть великому князю; он уверял, что получил на охоте согласие этого князя на возведение его на престол. <...> Граф Александр Шувалов велел заключить Батурина в Шлиссельбургскую крепость в ожидании решения императрицы, которого, однако... не последовало; оттуда я его сослала в 1770 г. в Камчатку за глупости, которые он писал и хотел распространять при помощи карауливших его солдат... (РТ-Ч, с. 170–171).

Подобным образом развивалась политическая интрига вокруг дела бывшего канцлера Бестужева, которого беспечность императрицы Елизаветы, вполне вероятно, спасла от более тяжелой участи:

Говорили, что он [Бестужев] писал только то, что хотел, и вещи, противоречащие приказаниям и воле императрицы. Но так как Ее Императорское Величество ничего не писала и не подписывала, то трудно было поступать против ее приказаний; что же касается устных повелений, то Ее Императорское Величество совсем не была в состоянии давать их великому канцлеру, который годами не имел случая ее видеть; а устные повеления через третье лицо, строго говоря, могли быть плохо поняты и подвергнуться тому, что их так же плохо передадут, как плохо примут и поймут. Но из всего этого ничего не вышло... потому что... никто из чиновников не дал себе труда просмотреть свой архив за двадцать лет и переписать его, чтобы выискать преступления того, инструкциям и указаниям коего эти самые чиновники следовали и таким образом могли оказаться замешанными, при всем их усердии, в том, что могли бы найти в них предосудительного (РТ-СРЗ, с. 436–437).

В поздней редакции обвинения в адрес предшественницы большей частью сняты. Мемуаристка предпочитает не вдаваться в подробности или же использует якобы сказанные другими правдивые суждения,

даже не относя их напрямую к Елизавете. Таков случай со смелым ответом великому князю голштинского министра Пехлина, заявившего, что «от государя зависит, вмешиваться или не вмешиваться в дела его страны; если он не вмешивается, страна управляется сама собою, но управляется плохо» (РТ-СРЗ, с. 302). Екатерина больше не комментирует отношение предшественницы к вышеназванным важным делам, даже отрицает свое знакомство с батуриным делом:

Что же касается Асафа Батурина, то его нашли очень виновным. Я не читала и не видела этого дела; но узнала с тех пор, что он замыслил ни более ни менее, как убить императрицу, поджечь дворец и этим ужасным способом благодаря сумятице возвести великого князя на престол. Он был осужден после пытки к заключению на всю жизнь в Шлиссельбурге и во время моего царствования за то, что сделал попытку бежать из тюрьмы, был сослан в Камчатку, откуда убежал с Бениовским и был убит в пути во время грабежа на острове Формозе в Тихом океане (РТ-СРЗ, с. 291–292).

История ареста Бестужева и нежелание или невозможность Елизаветы разобраться в его сложном деле в последней редакции автобиографии изложены безлично, хотя и ею и подчеркнут безраздельный патриотизм опального канцлера («Граф Бестужев думал как патриот, и им нелегко было вертеть» – РТ-СРЗ, с. 429). Бестужев представлен как невинная жертва интриги иностранных послов, воспользовавшихся услугами продажных вельмож Михаила Воронцова и Ивана Шувалова, сумевших, в свою очередь, манипулировать государыней (РТ-СРЗ, с. 429–430).

Осторожность мемуаристки в поздней редакции заставляет ее больше не упрекать предшественницу в нехватке мужества, чтобы оправдать невинного. О порочной практике управления государством в последние годы царствования Елизаветы она предпочитает открыто не говорить, затушевывая личную ответственность ситятельной тетушки, предпочитая перевести в бытовой план и тем самым сильно смягчить эту негативную черту предшественницы, довольствуясь лишь краткими упоминаниями, граничащими с намеками. Повествовательница отмечает, например, что ждала первого своего решительного объяснения с Елизаветой Петровной восемь месяцев (РТ-СРЗ, с. 408), а второй разговор, обещанный императрицей, также состоялся после длительного ожидания и лишь после ее демонстративного отказа отмечать торжественно день своего «несчастливого рождения» (РТ-СРЗ, с. 459). Непоследовательность в государственных делах все чаще предстает как следствие тяжелой болезни, что невольно наводит на параллель с рациональным порядком в практике государственного правления самой Екатерины II.

Немаловажными для концепции представляются многочисленные эпизоды, рассказывающие о суеверии и глубокой религиозности

Елизаветы Петровны. Борьба с суевериями была одной из главных битв, которую вели философы Просвещения. Бейль, Вольтер, энциклопедисты отдали этой задаче лучшие годы своей жизни, свято веря в силу науки и знаний. Они видели в коронованных особах своего главного союзника в этой неравной и сложной борьбе. Правление Екатерины II было символом религиозной толерантности и мирного сожительства народов разных вероисповеданий на территории громадной империи. Особую роль в пропаганде этого аспекта внутренней политики императрицы сыграло ее знаменитое путешествие по Волге, во время которого она встречалась с представителями всех народностей и всех вероисповеданий, проживавших в этнически пестром и мультиконфессиональном районе Поволжья [Ибнеева, 2006; Ибнеева, 2009]. Следует вспомнить, что во время путешествия Екатерина и ее придворные перевели роман «Велизарий» Мармонтеля, осужденного богословами Сорбонны за проповедь толерантности.

Екатерина II как «глава греческой церкви» подает пример рационального отношения к религии. Русская государыня соблюдала, не впадая в крайности, религиозные ритуалы. Ей, бесспорно, импонировало рациональное отношение Петра Великого к религии и суевериям. Поэтому описание в автобиографии исключительной набожности и суеверности Елизаветы Петровны, во время правления которой наступили подчеркнутый «либерализм» [Живов, с. 346] и ослабление заданных ее отцом строгих норм религиозной политики, производит впечатление чего-то отсталого. Естественно, что значение любопытных эпизодов «черкасовской» редакции и «Собственноручных записок» на эту тему выходит далеко за этнографические рамки.

Многочисленные эпизоды мемуарного текста описывают как чрезмерную набожность Елизаветы, так и ее суеверность. В ранней редакции речь идет о посещении Киева и Киево-Печерской лавры вскоре после приезда невесты великого князя в Россию, когда «все дни уходили на посещение церквей и монастырей» (РТ-Б, с. 54). В «черкасовской» редакции это рассказ о поклонении императрицы в Троице-Сергиевой лавре, куда она отправляется пешком. Это богомолье становится мучением для всего двора, «так как она не делала более пяти верст в день, и часто по несколько дней проходило без того, чтобы она отправилась в путь, это путешествие продолжалось более месяца» (РТ-Ч, с. 156). Тем не менее, противоречивость, неуравновешенность, «неправильность» характера Елизаветы проявляются даже в ее набожности. Она, к возмущению глубоко верующей Владиславовой, пошла в баню («нечистое» место, связывающееся в русском культурном сознании с магией и властью нечистой силы) между заутренней и обедней в такой большой праздник как Благовещение (Там же, с. 153). Даже в храме поведение набожной Елизаветы небезупречно: «во время богослужения она обыкновенно подолгу не стояла на одном и том же месте, а переходила по церкви с одного места на другое» (Там же, с. 187).

В «черкасовской» редакции изобилуют эпизоды, повествующие о суеверности Елизаветы. Суеверие может даже лишить милосердную Елизавету человеческого сочувствия к верному слуге и члену семьи, каким был Чоглоков, умерший в нечеловеческих муках. Дочь Петра «приказала, по своему обыкновению, перевезти больного в его собственный дом, чтоб он не умер при дворе, потому что она боялась покойников» (РТ-СРЗ, с. 355). Эта жестокость контрастирует с реакцией самой мемуаристки, которая была «поистине огорчена и очень плакала», проникнувшись сочувствием к бывшему врагу (Там же). Один из наиболее известных эпизодов екатерининских записок, доказывающий суеверность Елизаветы, – обвинение против одной из любимых придворных Анны Домашневой (эпизод с пучком волос) (Там же, с. 361–362). Он интересен в связи с тем, что в поздней редакции Екатерина II почти не обсуждает религиозность предшественницы и лишь мимоулетно упоминает о соблюдении ею определенных практик (поста, говения), а также о посещении ею богослужений, делая их фоном серьезных событий, в основном в связи со слабым здоровьем Елизаветы (например, эпизод с обмороком на публике) (Там же, с. 420). Также из текста старательно удалены предыдущие упоминания о суевериях Елизаветы, за исключением вышеприведенного случая. Эпизод с Домашневой играет очень важную роль для понимания посланий автобиографического текста, тем более, что он остался практически единственным из всех подобных, ранее включавшихся мемуаристкой в автобиографию. В нем Екатерина II демонстрирует фактическое отступление предшественницы от заветов ее великого отца, начавшего упорную и последовательную борьбу с суевериями и всесилием церкви [Живов; Райан; Лавров].

Вместо того, чтобы рационально разобраться в шитой белыми нитками придворной интриге, Елизавета поддается суеверному страху, принося в жертву свою приближенную. Иррациональное поведение государыни влечет за собой несчастье и разрушение всей семьи, становится причиной смерти мужа придворной, выбравшего добровольный уход перед пытками и жестоким наказанием. В очередной раз Екатерина демонстрирует последствия непросвещенности и слабости Елизаветы, не посмеявшей оправдать невинного и ставшей легкой жертвой недоброжелателей. Елизавета Петровна показана как непоследовательная наследница своего великого отца, тогда как мемуаристка, в силу своей просвещенности и реальных политических шагов, предпринятых на протяжении ее правления, претендует быть настоящей продолжательницей дела Петра Великого. Ее толерантная религиозная политика, распространение просвещения, проповедь верховенства закона, уничтожение тайного политического сыска и минимальное применение пыток и телесных наказаний рассматривались Северной Минервой не только как продолжение дела великого Петра, но даже как успехи, намного превосходящие его свершения.

Подозрительность Елизаветы Петровны, страх за свою власть, боязнь того, чтобы не испытать ту же участь, что и сверженная ею Анна

Леопольдовна, грозят превратиться в тиранию. Екатерина II убедительно показывает это как на примере собственного житейского опыта, так и на множестве бытовых эпизодов. Самодурство царственной тетки проявляется в отношении к личной жизни подданных, которой она распоряжается беспрекословно, следуя прихоти и не считаясь с последствиями. Красноречивым является эпизод с насильным замужеством сестры Льва Нарышкина, в которой Елизавета видит возможную соперницу в борьбе за сердце фаворита Шувалова (РТ–СРЗ, с. 320). Как и в случае с Петром Федоровичем, мемуаристку занимает проблема превращения государя в тирана, даже когда он в принципе, как Елизавета Петровна, человеколюбив и милосерден. Владение собой, умение проигрывать – залог справедливости и добродетельности монарха. Самые печальные последствия – влияние на поведение зависимых людей, искажение их понятий о месте в обществе, примирение с самоовластием государя, которое некоторые склонны считать безграничным. Все это парализирует не только волю, но и способность людей мыслить самостоятельно и трезво.

В выведенном ряду сопоставлений личного и государственного характера мемуаристка ставила вопрос как о преемственности в области положительных практик, так и об отказе от отрицательных сторон характера предшественницы. В более отдаленной перспективе и в контексте философской дискуссии о памяти и бессмертии, которую Екатерина II вела с энциклопедистами, соотнесение с «Петровой дочерью» означало также соотнесение с Петром Великим, воплощением идеи об «идеальном» монархе в русской культуре XVIII в. Описание отношения Екатерины II к Петру I было ориентировано на взгляды европейских просветителей с целью утверждения ее образа как в умах современников, так и в представлениях потомства. Здравый смысл диктовал императрице необходимость считаться со сформировавшимся петровским мифом в национальной традиции. Только опираясь на сакральность императора Петра Великого, она могла выгодно оттенить собственные успехи и легитимировать свое пребывание на троне. Автобиография императрицы является своего рода литературной аналогией знаменитой надписи на «Медном всаднике», которая лапидарно выражала сокровенную идею Екатерины о духовной и идеологической прямой связи с великим реформатором. Надпись напоминала современникам и потомкам о том, что императрица была «дочерью Асканиевой»⁵ (Вольтер), обретшей новую родину на востоке континента, и своей мудрой политикой не только усовершенствовала достигнутое Петром Великим, но также объединяла надежды и усилия европейских мыслителей, направленные на достижение идеального государственного порядка во главе с «просвещенным монархом».

⁵ Аскании (*нем.* Askanier) – княжеский род в Германии. Название происходит от латинизированной формы их владения в Ашерслебене (*лат.* Aschania). От ветви Ангальт-Цербст (1603–1793) происходил род Софии Августы Фридрики (1729–1796), которая была выдана замуж за наследника русского императорского престола, а в 1762 г. под именем Екатерина II стала императрицей Российской империи (прим. ред.).

Такой же многослойностью и сложностью семантики, как творение Фальконе, отличается автобиография государыни, в различных вариантах которой выработывалась концепция собственного образа как успешного примера просвещенного монарха. Екатерина адресовала свои записки сыну и внукам, сочетая политическое завещание с поучением, следуя своему любимцу последних лет жизни киевскому князю Владимиру Мономаху. Как и памятник Петру I, автобиография императрицы предназначалась не только и не столько современникам и ближайшим наследникам, сколь потомству, на справедливость оценки которого она рассчитывала. Особенно актуально это стало для нее на склоне лет после тридцатилетнего царствования. В начале 90-х гг. XVIII в. стареющая государыня пережила «интеллектуальный прорыв» в связи с событиями Французской революции [Гриффитс, с. 133]. Исследователи комментируют своеобразное одиночество императрицы, потерявшей, за исключением Гримма, своих партнеров в философском диалоге, а также плеяду ближайших людей из своего окружения, в том числе обоих адресатов ранних вариантов автобиографии – графиню Брюс и барона Черкасова [Мадариага, с. 569–570; Крючкова, с. 312]. Вероятно, в эпоху личного и исторического кризиса Екатерина снова взялась за перо, чтобы не только рассказать о своей жизни в духе светской беседы, но и создать на основе прожитого философский трактат о государе. Лаконичную надпись на памятнике Петру Великому, который оказался также памятником ей самой [Илчева, с. 180], она постаралась дополнить своей автобиографией, доказывая, что она единственная достойная преемница Петра Великого, развившая и упрочившая завещанную им страну. Прямые наследники легендарного реформатора под ее пером оказываются либо недостойными своего предка (Петр III), либо не до конца последовательными его продолжателями (Елизавета Петровна). В этом парадоксе в своеобразной форме сохранялась верность основной идее Петровской эпохи, требовавшей оценки личности по ее заслугам перед обществом.

Императрица писала свою автобиографию с оглядкой на потомство, однако она не могла вполне абстрагироваться от актуальных проблем и дискуссий современности и создавала текст, предназначенный не для отдаленной, а для близкой публикации. Автоцензура была тем средством, которое помогло бы ей избежать лишних сложностей, а также испытанным способом внушить аудитории идею о легитимности и величии своего правления.

Список литературы

Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века : Борьба за наследие Петра. М. : Мысль, 1986. 239 с.

Вачева А. Потомству Екатерина II : Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы. София : Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2015. 714 с.

Вачева А. Ментор и принцесса : (Образ воспитателя в автобиографии Екатерины II // Реката на времето : сборник в памет на проф. Людмила Боева. София : Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2007. С. 199–207.

Вачева А. «Не судите обо мне как о других женщинах...» : Мемуары Екатерины II и «Письма мисс Фанни Батлер» г-жи Риккобони // Новое лит. обозрение. 2006. № 80. С. 111–130.

Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир : ст. разных лет. М. : Новое лит. обозрение, 2013. 530 с.

Живов В. М. Дисциплинарная революция и борьба с суевением в России XVIII века: «провалы» и их последствия // Антропология революции. М. : Новое лит. обозрение, 2009. С. 327–360.

Записки императрицы Екатерины Второй [репринт. изд. 1907 г.]. М. : Орбита, 1989. 748 с.

Ибнеева Г. В. Путешествия Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства. Казань : Казан. гос. ун-т, 2006. 252 с.

Ибнеева Г. В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М. : Памятники ист. мысли, 2009. 468 с.

Илчева Р. Лапидарность российского XVIII века (к разгадке одной надписи) // Реката на времето : сборник в памет на проф. Людмила Боева. София : Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2007. С. 174–182.

Крючкова М. А. Мемуары Екатерины II и их время. М. : Летний сад, 2009. 461 с.

Лауров А. С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М. : Древлехранилище, 2000. 574 с.

Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М. : Новое лит. обозрение, 2002. 976 с.

Марасинова Е. Н. «Непременные государственные законы» в России второй половины XVIII в. (Опыт Begriffsgeschichte) // Russian Literature. Vol. 75. 2014. P. 363–389.

Проскурина В. Мифы империи : Литература и власть в эпоху Екатерины II. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 323 с.

Райан В. Бания в полночь : Исторический обзор магии и гаданий в России. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 718 с.

Уортман Р. С. Сценарии власти : Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : ОГИ, 2002. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. 607 с.

Фавье Ж.-Л. Русский двор в 1761 году // Екатерина II : Путь к власти. М. : Фонд С. Дубова, 2003. С. 193–206.

Финкентштейн К.-В. фон. Общий отчет о русском дворе // Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу : Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство. 1740–1750. М. : ОГИ, 2000. С. 289–326.

Элиас Н. Придворное общество : Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М. : Языки славян. культуры, 2002. 367 с.

Baehr St. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia : Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford : Stanford Univ. Press, 1991. 308 p.

Johnson N. R. Louis XIV and the Age of Enlightenment: the Myth of the Sun King from 1715 to 1789. Oxford : Voltaire Foundation, 1978 (SVEC CLXXII). 350 p.

References

Anisimov, E. V. (1986). *Rossiya v seredine XVIII veka. Bor'ba za nasledie Petra* [Russia in the Russia in the middle of the XVIII century. The struggle for the heritage of Peter the Great]. 239 p. Moscow, Mysl'.

Baehr, St. L. (1991). *The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture*. 308 p. Stanford, Stanford Univ. Press.

Екатерина II (1989). *Zapiski imperatritsy Ekateriny Vtoroy. Reprintnoye vosproizvedeniye izdaniya 1907 goda* [Memoirs of Empress Catherine II. Reprint of the Edition of 1907]. 748 p. Moscow, Orbita.

Elias, N. (2002). *Pridvornoye obshchestvo. Issledovaniya po sotsiologii korolya i pridvornoy aristokratii* [The Court Society. Essays on Royal Sociology and Court Aristocracy]. 367 p. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury.

Favier, J.-L. (2003). *Russkiy dvor v 1761 godu* [Russian court in 1761]. In *Ekaterina II. Put' k vlasti*. Moscow, Fond S. Dubova, pp. 193–206.

Finckenstein, K.-W. von (2000) *Obshchiy otchet o russkom dvore* [General Report on the Russian Court]. In Liechtenhan, F. D. *Rossia vkhodit v Evropu. Imperatritsa Elizaveta Petrovna i vojna za Avstriyskoye nasledstvo. 1740–1750*. Moscow, OGI, pp. 289–326.

Griffiths, D. (2013). *Ekaterina II i eye mir: stat'i raznykh let* [Catherine II and Her World: Articles from Different Years]. 530 p. Moscow, Novoye Literaturnoye obozreniye.

Ibneyeva, G. V. (2006). *Puteshestviya Ekateriny II: opyt «osvoyeniya» imperskogo prostranstva* [The Journeys of Catherine II: The Experience of the ‘appropriation’ of Imperial Space]. 252 p. Kazan, Kazanskiy GU.

Ibneyeva, G. V. (2009). *Imperskaya politika Ekateriny II v zerkale ventsenosnykh puteshestviy* [The Imperial Policies of Catherine II in the Mirror of Crowned Travels]. 468 p. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli.

Ilcheva, R. (2007). Lapidarnost rossiyskogo XVIII veka (k razgadke odnoy nadpisi) [The Lapidarity of the Russian 18th Century (to the Solution of an Inscription)]. In Vacheva, A., Chekova, I (Ed.). *Rekata na vremeto. Sbornik v pamet na prof. Lyudmila Boyeva*. Sofia, Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Ohridski”, pp. 174–182.

Johnson, N. R. (1978). *Louis XIV and the Age of Enlightenment: the Myth of the Sun King from 1715 to 1789*. 350 p. Oxford, Voltaire Foundation, 1978 (Studies on Voltaire and Eighteenth Century CLXXII).

Kryuchkova, M. A. (2009). *Memuary Ekateriny II i ih vremena* [Memoirs of Catherine II and Their Time]. 461 p. Moscow, Letniy sad.

Lavrov, A. S. (2000). *Koldovstvo i religiya v Rossii 1700–1740 gg.* [Witchcraft and Religion in Russia, 1700–1740 gg.]. 574 p. Moscow, Drevlekhranilishche.

Madariaga, I. de. (2002). *Rossiya v epohu Ekateriny Velikoi* [Russia in the Age of Catherine the Great]. 976 p. Moscow, Novoye Literaturnoye obozreniye.

Marasimova, E. N. (2014). “*Nepremennyye gosudarstvennyye zakony*” v Rossii vtoroy poloviny XVIII v. (*Opyt Begriffsgeschichte*) [The Indispensable State Laws in Russia in the Second Half of the 18th Century (The Experience of the Begriffsgeschichte)]. In *Russian Literature LXXV*, pp. 363–389.

Proskurina, V. (2006). *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The Myths of the Empire. Literature and Power in the Age of Catherine II]. 323 p. Moscow, Novoye Literaturnoye obozreniye.

Ryan, W. (2006). *Banya v polnoch'. Istoricheskiy obzor magii i gadanii v Rossii* [Going to the Bathhouse at Midnight: Magic in Russia]. 718 p. Moscow, Novoye Literaturnoye obozreniye.

Vacheva, A. (2015). *Potomstvu Ekaterina II. Idei i narrativnyye strategii v avtobiografii imperatritsy* [From Catherine the Great to Posterity. Ideas and Narrative Strategies in the Empress's Memoirs]. 714 p. Sofia, Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Ohridski”.

Vacheva, A. (2007). Mentor i printsessa. Obraz vospitatelya v avtobiografii Ekateriny II [The Mentor and the Princess (The Image of the tutor in the Autobiography of Catherine II)]. In Vacheva, A., Chekova, I (Ed.). *Rekata na vremeto. Sbornik v pamet na prof. L. Boeva*. Sofia, Universitetsko izdatelstvo “St Kliment Ohridsky”, pp. 199 – 207.

Vatcheva, A. (2006). “*Ne sudite obo mne kak o drugikh zhenshchinakh...*”: Memuary Ekateriny II i “*Pisma miss Fanny Batler*” g-zhi Riccoboni [“*Ne me jugez point sur le commun des femmes...*”/“*Don't judge me as other women...*”: Memoirs of Catherine II and Madame Riccoboni's Novel *Letters of Miss Fanny Butler*]. In *Novoye Literaturnoye obozreniye*, Iss. 80, pp. 111–130.

Wortman, R. (2002). *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii. T. 1. Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Death of Nicholas I]. 607 p. Moscow, OGI.

Zhivov, V. M. (2009). Zhivov, V. M. Distsiplinarnaya revolyutsiya i bor'ba s suyeveriyem v Rossii XVIII veka: “*provaly*” i ikh posledstviya [The Disciplinary Revolution and the Struggle against Superstition in Russia of the 18th Century: The ‘Failures’ and Their Consequences]. In *Antropologiya revolyutsii*. Moscow, Novoye Literaturnoye obozreniye, pp. 327–360.

The article was submitted on 07.06.2016